

ГЕННАДИЙ ЕРОФЕЕВ

ДИГГЕР
«КРотовых нор»

Геннадий Ерофеев

Диггер «кротовых нор»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22204258
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

«Диггер "кротовых нор"» – продолжение повести «Касторка». Спецагент Ольгерт Васильев через «кротовую нору» случайно попадает в иную вселенную – так называемую Большую Сферу. С невероятным трудом ему удаётся возвратиться на Землю. Но теперь перед ним стоит более трудная задача: вычислить действующего на Земле иновселенского лазутчика. В решении этой головоломки Ольгерту помогают его старые друзья – Шеф и Эдуард Лаврентьев.

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Геннадий Ерофеев

Диггер «кротовых нор»

Фантастический детектив

Часть первая

ДЫРА

... Быть званным в Большую Сферу и чтобы не было видно, как ты там движешься – вот это и есть дыра!..

Вильям Шекспир

Прошло несколько месяцев с тех пор, как я возвратился в Москву с последнего задания. Порученную миссию я выполнил, но победа над ядерными террористами далась мне дорогой ценой. Иногда эта победа казалась мне Пирровой.

Всё это время я находился под присмотром Эдуарда Лаврентьева и его белохалатных коновалов. Новых заданий мне не поручали. Трогательные попытки Шефа и врачей вернуть мне утерянную в результате крапчатой амнезии память о куске жизни, отданном делу дёртиков, ни к чему не привели. Летели дни, и моим патронам, товарищам, сослуживцам и мне самому постепенно становилось ясно, что я не «вспомню»...

Как и обещали, они позаботились, чтобы меня снабдили максимально подробной информацией обо мне самом, постарались заполнить лакуну в моей памяти, в моём менталитете, в моём сознании. Я узнал о себе многое, но все эти знания входили в меня как холодная, отстранённая информация

о чужом, неизвестном мне человеке, они не приживались во мне, не срастались с моим «я», не совмещались с ним, они отторгались мною. Эти знания вошли в меня через голову, но не затронули сердце, не легли на душу, оставшись сухой информацией «для справок».

Я исправно штудировал чужие отчеты по делу дёртиков, далеко не полные, не окончательные; выполнял предписания Лаврентьева. Я искренне хотел помочь – не столько себе, сколько Эдуарду и Шефу, чтобы избавить их от чувства вины передо мною, но момент, видимо, был упущен, ситуация, инцидент, что называется, были «заиграны». Оставалось отнестись к своему положению философски – принять всё как есть. Я смотрел в глаза Эдуарда, остававшиеся беззащитными даже под прикрытием мощных линз в тонкой оправе, и читал в них то, что прекрасно понимал и сам.

Как-то раз он снял свои бинокли и, потирая переносицу, сказал, глядя в сторону:

– Шеф решил, что тебе можно приступить к работе. Это будет сентиментальное путешествие. Почти турпоездка. Прогуляешься по тем местам, где ты наследил во время выполнения последнего задания.

– Почему тебе так важно, чтобы я вспомнил? – подзадо-рил я Эдуарда. – Я уже смирился со своим положением, хотя, не скрою, меня что-то гложет на уровне подсознания. Но ты-то лучше других знаешь, что я здоров.

– Нет, нет, – поспешил сразу расставить всё по местам

Эдуард, – ни о какой настоящей работе для тебя не может быть и речи. Более того, рядом с тобой будет неотлучно находиться мой ассистент, нравится тебе это или нет.

– А что ты скажешь, если я пошлю вас всех как можно дальше? Далеко и неоднократно?

– Тогда не видать тебе сложной оперативной работы как своих ушей. Ты захиреешь, пропадешь без неё, я же тебя знаю. Надо использовать последнюю возможность. Ты ничего не теряешь. Сделай это для меня... Ты ведь сам называл меня эстетом, не так ли?

– Ну конечно. Любая дисгармония для тебя просто переносима. Ты и камни вдоль просёлочной дороги желал бы видеть уложенными в определённом порядке. Если я жить не могу без работы, то ты загибаешься, видя несовершенство своих пациентов. Эстет ты, педант и идеалист. А ты не подумал, старик, что мне станет хуже, если я вспомню? – я нарочно подначивал Эдуарда. – Станный ты, однако, лекарь – лекарь, стремящийся не облегчить, а обременить и отяготить душу больного.

– Я-то лекарь, а ты мужчина или нет? Да пусть тебе будет в десять раз хуже, зато ты станешь на сто процентов самим собой.

– Ты ещё скажи, что чисто профессиональные аспекты проблемы тебя на интересуют.

– Да нет, – вздохнул Эдуард, – не хочу прикрываться высокими материями. Интересуют, конечно, интересуют... Но

ты, может быть, не понимаешь, что чувствует человек, разменявший вторую половину жизни. Вернее, понимаешь, но только разумом, а не сердцем... Ты знаешь, как относятся к старикам, вообще к пожилым людям?

– Что ты хочешь сказать? – перебил я совершившего неожиданный поворот Лаврентьева. – Более или менее нормально относятся, разве нет?

– Далеко не все, бродяга, далеко не все. Не будем лицемерить. Старики часто вызывают раздражение у молодых, на стариках срывают зло и обиды, с ними не считаются. Они получают если не физические, то моральные пинки и тычки.

– Это поведал тебе Шеф?

– Верно. Об этом говорил Шеф. Но говорил не для того, чтобы я, ты или кто-то другой относились к нему с большим почтением.

– Понимаю, понимаю.

– Шеф что-то предчувствует, а как ты знаешь, предчувствия редко обманывают его. Он уже рисует гипотетические ситуации, могущие возникнуть при разработке нащупываемой им новой темы, но пока фактов, способных перевести предположения в разряд реальностей, придать им плоть и кровь, у него нет. Поэтому для него важно, чтобы к тебе в полном объёме вернулась память о работе на твоём последнем задании, поэтому это важно для всех нас и, уверен, для самого тебя. А вдруг удастся в ворохе деталей обнаружить малюсенький фактик, за который Шеф мечтает зацепиться.

А уж потом эта зацепка станет тем топором, из которого Шеф начнёт варить кашу новой темы.

– И потом под завязку накормит этой кашей всех нас. Этому дала, этому дала, а этому не дала: он из другого отдела.

– Не беспокойся, расхлёбывать будем вместе.

– Свежо предание, но верится с трудом. В прошлый раз мне из всей каши достался, образно говоря, как раз топор и, судя по вашим рассказам, я им изрядно намахался. Даже лезвие зазубрил. О шеи дёртиков.

– Ты опять за старое, Гуттаперчевая Душа! Если испытываешь чувство вины, пиши что-нибудь. Самый конструктивный метод избавиться от хлама и мусора в подсознании. – Лаврентьев намекал на традицию параллельных, то есть свободных, отчётов.

– Вот вспомню – и напишу. О последнем своём задании. Назло вам всем напишу. Но с чужих слов писать ничего не буду. Так что придётся тебе терпеть пока мои комплексы.

– Свободный отчёт тебе Шеф писать не разрешит. Сможешь разродиться им лишь после того, как накарябаешь официальный, по всей форме, отчётик, бродяга, от-чё-тик!

– Вот именно: от-чё-тик, – передразнил я Лаврентьева. – Моё подсознание ведет себя лояльно по отношению ко мне. Оно не хочет вспоминать: знает, что я не люблю кропать эти цидульки.

– И всё-таки тебе нужно очень постараться вспомнить, Ольгерт.

– Мистер и миссис Эллиот очень старались иметь ребёнка. Они старались, насколько у миссис Эллиот хватало сил.

– Ёрником ты был, ёрником и остался, – криво ухмыльнулся Эдуард. – Но шутки в сторону, бродяга. На следующей неделе ты и мой ассистент Марко Голый должны быть в тренировочном городке дёртиков. Я сказал.

* * *

Бывший тренировочный городок дёртиков, а также их зимняя квартира, в качестве которой они приспособили заброшенный завод, находились теперь внутри запретной зоны – об этом позаботился Шеф. И сейчас мы с помощником Лаврентьева сидели на поставленных на попа деревянных ящиках в тренировочном городке, недалеко от плаца. Марко Голый был флегматичный, сравнительно молодой, из новеньких, немного не от мира сего, человек, заядлый курильщик и ещё более «заядлый» лентяй, без крайней нужды не ударявший и пальцем о палец. Но несмотря на природную заторможенность, он свято выполнял строгий наказ Эдуарда неотступно следовать за мною по пятам.

Последний оборот речи может ввести читающих этот отчёт стажёров в заблуждение: по пятам следовал не Марко, а я. Комичность ситуации была очевидной: впервые оказавшийся в этих краях Марко исполнял роль всеведущего экскурсовода, водя меня, уже в третий раз почтившего своим

присутствием уголок юга России, ныне огороженный забором из колючей проволоки, по «памятным местам».

По-немецки «экскурсовод» – «долметшер», что также означает «переводчик». Но я использовал игру слов и за глаза называл Голого группенфюрером – то есть в данном случае руководителем туристической группы, состоящей только из одного человека. Мы с ним облазали весь тренировочный городок в поисках того самого «клина», который, по безграмотному выражению Лаврентьева, должен был в одночасье «вышибить из моей дурной головы амнезию», но так и не обнаружили ничего даже отдалённо похожего на пресловутый «клин». В сортирном бараке мы с Марко успели побывать два раза и не заметили внутри этой «жемчужины» деревянной архитектуры никаких аномальных явлений. Дотошный Марко на правах наблюдающего врача обратил внимание на мой, как ему примерещилось, несколько более жидкий, по сравнению с медицинскими нормами, стул – вот и вся сортирная «аномалия». С чистой совестью Марко сипло протрубил отбой, и мы предались излюбленному безделью.

Цвела весна, стоял сухой и тёплый солнечный день. Лёгкий весенний ветерок иногда поднимал появившуюся уже пыль с обсаженной акациями широкой земляной дорожки, ведущей к большому дощатому, о двух дверях, туалету.

В некотором отдалении от нас, у длинных «кукольных» барачков, копошились Разгребатели – люди одного из отделений нашего Департамента, оприходовавшие, описывавшие,

изучавшие и систематизировавшие всё то, что осталось от крепко прижатого нами, смертельно раненного, но, видимо, до конца не ликвидированного баунда дёртиков.

Ничего-то я не вспомнил, прилетев сюда. Вообще-то большая часть информации о тренировочном городке и моих прежних «подвигах» была известна мне благодаря усилиям Шефа и Лаврентьева. Я знал, что сидел здесь в камере вон в том бараке, выходил на плац в качестве «куклы» и пал, «убитый» дёртиком Чмырём, инсценировав свою смерть – применил приём, называемый на нашем профессиональном жаргоне «мёртвый опоссум». Приём очень сложный и небезопасный, но весьма эффективный.

Марко Голый лениво курил, изредка поглядывая на суетившихся в отдалении Разгребателей. Он уже сообщил, что завтра мы перебираемся на старую базу дёртиков, которую я в свое время посетил – тот ещё незванный гость. От этого посещения осталась записанная на мобильник моя беседа с Казимиром Лукомским – учёным, находившимся в плену у дёртиков. Запись я неоднократно прослушивал, почему-то каждый раз с содроганием.

Посвящённый в обстоятельства дела Марко утверждал, что уж там-то, на базе, я вспомню. То же самое он говорил и про тренировочный городок...

Мимо нас неспешно прошествовал в направлении туалета один из Разгребателей, мы с Марко проводили его полусонными взглядами, а когда парень скрылся в дальней от нас

двери, мой провожатый зевнул и закрыл глаза.

Так мы просидели минуты три, даже не пытаясь разговаривать.

Наконец я поднялся с рассохшегося ящика.

– Марко, я до туалета.

– Давай, – безразлично откликнулся Марко и потянулся за очередной сигаретой.

Делать Голому было совершенно нечего. Я чувствовал себя здоровым, а опасности здесь давно уже никакой не существовало. Обратного шока, который помог бы вернуть мне память, вызвать у меня никак не удавалось. Я знал, что и на базу мы полетим зря, но собирался в точности исполнить предписание Лаврентьева.

Я подошёл к дверному проему этой «жемчужины» деревянной архитектуры. Шагнул внутрь – и уровень наружного шума ступенчато срезался. Удивительно тихо было внутри. Тихо, но как-то неуютно. Наверное, из-за этой тишины, таившейся в тёмных углах, тишины, казалось, сгустившейся из самого Прошлого.

Я словно ощущал на себе взгляд чьих-то внимательных глаз, злых и агрессивных, как стрела на взведённом арбалете...

...Однажды я побывал в гостях у одного чудака, коллекционирующего... тишину. Среди собранных им образцов была тишина перед грозой, тишина перед выстрелом палача, кладбищенская тишина и так далее и тому подобное. Так

вот, тишина, которую я сейчас напряжённо слушал, могла бы стать подлинным гвоздём, настоящим раритетом той психоделической коллекции. Ибо она была живой, хотя и наводила на меня мертвящий ужас.

Встав над дырой и справив малую нужду, я зябко передёрнул плечами, и это непроизвольное движение было не только рефлекторным ознобом: я действительно боялся чего-то. Но чего?

Застегнув молнию, собрался уйти, но вдруг обратил внимание на шевелящихся в остатках нечистот серых и безглазых тварей, размером и видом отдалённо напоминающих головастиков. Их цилиндрические, дюймовой длины тела, одинаково закруглённые с обоих концов, разделённые выпуклой «ватерлинией» на брюшко и спинку и имеющие тонкий жгутикообразный хвостик, так противно изгибались и ворочались в лужицах мочи и размазанном по деревянному настилу дерьме, что мне сделалось дурно.

Одна из тварей, явно совсем недавно раздавленная чьим-то башмаком, извивалась энергичнее своих неискалеченных, если так можно выразиться, товарок. Наверное, она агонизировала. Из её лопнувшего тельца изливалась отвратная, цвета гноя, липкая мразь.

Это зрелище подействовало на меня как засунутые в рот два пальца. Сработал рвотный рефлекс, спазм подкатил к горлу. Но всё же меня не стошнило.

И вдруг я вспомнил, как сидел на корточках в этом сор-

тире, и перед моими глазами, находившимися близко от пола, копошились эти омерзительные твари, а на улице топтались дёртики, переговариваясь, переругиваясь между собой, готовые спустя минуту гнать меня и других «кукол» с оправки назад в вонючие бараки.

Я вспомнил!

Я это понял и ощутил, хотя за несколько коротких секунд не успел перебрать в памяти все эпизоды, все когда-то зафиксированные памятью ощущения, все тонкости, оттенки и нюансы, обилие которых позволило бы стопроцентно утверждать, что всё, что я теперь о себе знал, пришло от самой жизни, а не было почерпнуто из бесконечных рассказов Шефа и Лаврентьева. Я просто твёрдо знал, что это – моё. Я неожиданно избавился от амнезии, которую обеспечил мне хитрющий профессор Владимир Петрович Петунин сотоварищи.

Раздавленная пиявка продолжала извиваться, а я никак не мог отступить от дыры, и тут меня повторно охватил жуткий озноб, и тело покрылось гусиной кожей.

Куда делся тот, кто раздавил сортирного головастика?

Я стоял над дырой недвижимо, боясь поднять голову, да и не было в этом никакой необходимости: я находился в туалете совершенно один.

Затаив дыхание, я поднял голову и огляделся.

Пусто. И тишина. Тишина, ещё более сгустившаяся, напряжённая, тревожная. Она показалась мне странной:

внутри латрины теперь не проникало ни звука извне!

Будто повинувшись чьей-то воле, я снова опустил глаза.

По-прежнему шевелилась в дерьме пиявка, и словно в такт её омерзительным конвульсиям заворочалась в моей непутёвой голове причинившая мне настоящие физические мучения мыслишка: «Где Разгребатель? Куда он делся?». Ведь мы с Марко совершенно чётко видели, как он вошёл в сортирный барак и не выходил оттуда.

Внезапно я почувствовал, как во взгляде затаившейся в углу тишины промелькнуло нечто вроде усмешки. Казалось, она издевалась надо мной, вопрошая:

– Ну, где же твой Разгребатель?

Ответить на этот вопрос мне не довелось.

Будто стальные обручи сдавили тело сверху донизу. Стало трудно дышать, а в животе словно заворочался рассерженный дикобраз, и меня замутило и скрутило так, что я мгновенно покрылся липким потом и, наверное, позеленел. В следующие несколько секунд мне сделалось настолько плохо, что я воззвал к Господу, прося у него скорой смерти. Я, чего со мной никогда не случалось прежде, малодушно возроптал...

Громко чавкнула жижа в выгребной яме; на мгновение я почувствовал себя стоящим на краю гигантской пропасти, но воспринимал бездну не глазами, а вестибулярным аппаратом, и голова моя закружилась, как от высоты. Я испытывал мучительное раздвоение: мне хотелось отступить от края

пропасти и в то же время неудержимо влекло в её неразгаданную, таинственную глубину. Последнее – патологическое – желание одерживало верх: я знал, что обречён, что мне не вырваться из мистических объятий первозданной Пустоты, загипнотизировавшей меня и превратившей в оцепеневшего кролика, покорно ожидающего, когда его поглотит смрадная пасть бездны.

Тело моё покрылось гусиной кожей, волосы встали дыбом, дух захватило; затем исчезло ощущение верха и низа. Снова чмокнула жижа – точно невидимая огромная гортань сглотнула, – и меня потащило в дыру.

Со всех сторон навалилась такая тяжесть, по сравнению с которой испытанные на центрифуге перегрузки показались детской забавой. Однако далее осмысливать происходящее мне не довелось: «я зашкалил», как зашкаливает, захлёбывается старый паршивенький гравитометр, помещённый в мощную гравитационную аномалию. Но сознание, как водится, не подвело: оно вовремя отключилось, избавив слабенький сгусток энергии, называемый человеком, от непереносимых мук, сравнимых разве что с муками раздавленной каблук Разгребателя сортирной пиявки...

* * *

Очнувшись, я обнаружил себя лежащим на дырчатом круге – своеобразной «шумовке», подвешенной в экваториаль-

ной плоскости четырёхметровой полой сферы. Полой, но далеко не пустой. Со всех сторон из её матовых стен торчали телескопические штанги, иглы и какие-то цилиндрические отростки, напоминающие эрегированные фаллосы, от вида которых мне, и без того полуживому, стало не по себе: они все в молчаливой враждебности нацелились на меня. Шестым чувством я ощутил, что эти бесцеремонно указующие на меня персты с фантастической точностью направлены в геометрический центр полого шара.

Кряхтя, я с трудом приподнялся и уселся по-турецки. Всё тело болело. Засучив повыше рукав рубашки, я обнаружил на левой руке два-три синяка и Секлетиныю Глазунову. Такие же кровоподтёки сплошь покрывали «тёти Клеты», когда я обнаружил её в холодильнике созданного дёртиками завода по производству ядерных зарядов. Прекрасное, но – увы! – мёртвое тело...

Мысли мои потекли по накатанному желобку: я попытался уверить себя, что попал к дёртикам. Видимо, сработала психологическая защита: считать, что я нахожусь у них, было психологически комфортно. Более всего мы страшимся неизвестности, и даже искусственно выстроенная определённости приносит нам временное успокоение. Вот я её и выстроил.

Тут мне пришлось прервать размышления.

В стенке сферы открылся продолговатый люк, оттуда выдвинулся трап, а затем в проёме возникло жуткое, немисли-

мое существо.

Если бы я был женщиной, у меня в этот момент опустилась бы матка. Но я был хоть и плохоньким, но мужичком, поэтому рука моя непроизвольно потянулась под мышку за родимым восемнадцатизарядным «спиттлером». Напрасное поползновение: я прибыл в тренировочный городок без оружия, без сотового телефона, даже без наручных часов. В моих карманах жил сейчас только ветер.

Мы смотрели друг на друга, и мне показалось, что уродец не изумился моему облику в той степени, в какой был шокирован его чудовищным обличем я. Немую сцену освещал проникающий через люк ровный молочно-серый свет, придавая всему происходящему оттенок инфернальности.

Я догадывался, что каким-то чудесным образом совершил межпространственный переход, и был разбит и оглушён – как физически, так и морально. Поэтому не сразу среагировал на универсальный жест словно пришедшего из галлюцинаторно-наркотического бреда существа, пригласившего меня следовать за ним. Ох, как не хотелось мне покидать насиженное место и приближаться к уродцу! Интуиция подсказывала, что близкое общение с ним и ему подобными не сулит ничего хорошего. Химерическая внешность бестии намекала на то, что здесь со мной церемониться не будут.

Я поднялся и, сделав первый шаг к люку, ощутил, как сильно забиты мышцы ног – так чувствуешь себя на финише забега на 400 или 800 метров, когда в мышцах накапли-

вается молочная кислота. Попутно я отметил, что мои обувь и одежда совершенно чисты, что выглядело немного странно, учитывая исходную точку, с которой я стартовал в «затринный» мир.

Я переступил комингс люка и тут же отпрянул назад, произвольно вскрикнув. Мне так сильно захотелось вернуться на чистую и прохладную «шумовку – я был согласен сидеть на ней до конца дней своих, до тех пор, пока Господь не приберёт меня к себе.

Этих уродцев оказалось в открывшемся за люком широком коридоре много – едва ли не целый взвод. Я погрузился в плотную, хоть топор вешай, вонь – чудовищную смесь протухшей рыбы и запаха красильных ванн ткацкой фабрики. Эти крепко попахивающие ребята обступили меня полукольцом, не издавая ни звука.

Я, без всякого преувеличения, страдал, созерцая внешность существ и вынужденно обоняя исходивший от них мощный запах. И – странное дело – не мог избавиться от навязчивого ощущения, что плотно облеплен сортирными пиявками, которых всего несколько минут назад наблюдал на дощатом полу туалета. Облик двуногих и двуруких существ имел очень мало общего с экстерьером латринной «крыски», но я воспринимал их как головастика из нужника. Вместо того чтобы протянуть им «руку дружбы», я неожиданно для самого себя вывалил на рифлёный металлический пол содержимое желудка – как кот из анекдота, который мог наблеть

два собственных веса. Понимание причин своей неадекватной реакции не приглушило испытываемого в этот миг унижения и болезненного чувства неловкости.

Хлеба-соли в руках встречающих не наблюдалось, и наивно было полагать, что моё нестандартное приветствие-экспромт побудит кого-нибудь из этой публики сбегать за таковым, пусть даже и за вчерашним. Вместо предложения отведать хлеба-соли один из монстров вlepил мне увесистую затрещину своей костлявой лапищей, и я, отшатнувшись, ощутил спиной металл: ведущий в сферу люк уже закрылся. Знает только Бог, чего мне стоило удержаться от того, чтобы начать косить этих тварей!

И хорошо, что удержался и не начал.

Спустя какую-то секунду я сам не знаю как оказался в наручниках и со стреноженными ногами. Пристёгнутые к «браслетам» и «манжетам» растяжки уродцы намотали себе на кулаки: такая прыть что-то да значила.

Приступ ксенофобии, вызванный плохо переносимой мною обидой, охватил меня. И даже не просто ксенофобии, а ксенофобии в квадрате, ибо пленившие меня были чужаками вдвойне: во-первых, чужаками как таковыми; во-вторых, чужаками из другой вселенной.

Я был один, врага я видел в каждом...

Первый контакт состоялся и, переступив через лужу соб-

ственной блевотины, которая была сейчас чем-то вроде акватории для утлого бумажного кораблика моей охромевающей судьбы, я, влекомый уродцами, с горящей от пощёчины щекой зашагал по коридору.

Почти уверенный в том, что пути назад не будет, тем не менее автоматически запоминал приметы и гадал-прикидывал, куда меня ведут. В академическую аудиторию? В мастерскую таксидермиста? В зоопарк? В анатомичку? В столовую? В научный центр? В тюрьму?

Чутьё подсказывало мне, что сооружение, внутри которого мы находимся, не эфирный, парящий в пространстве город, а опирающееся на твёрдую почву здание. Наше движение сопровождали характерные звуки – так царапают по асфальту когти больших птиц.

Мы остановились у раздвижных дверей с уплотнённым стыком. Один из конвоиров нажал кнопку, створки разъехались, и меня ввели в большую комнату.

Комната напоминала хирургический кабинет и одновременно обиталище безликих канцелярских крыс. Здесь преобладал серый цвет. Глаза механически отметили неуместную тут трибунку в виде пульта-пюпитра, два-три массивных стула и громадный стол, стеклянные шкафы вдоль стен и странный лежак, в плане напоминающий крест с непропорционально широкими отростками-перекладинами.

А недалеко от стола стояли четверо уродцев, удерживая стреноженного, как и я, но совершенно голого человека.

И в первое мгновение его нагота отвлекла меня, и только когда мой взгляд остановился на носившем печать безысходности и страдания лице человека, я испытал безотчётный ужас и медленно осознал, кто именно стоит передо мной.

Это был Разгребатель.

* * *

Мы не были знакомы с Разгребателем. Вряд ли он запомнил меня и Марко в лицо, когда проходил мимо нас в сортирный барак. Но неважно, узнал он меня, или нет. Важно, что мы были с ним земляками, притом земляками по большому счёту.

Парень жадно смотрел на меня. Разлепив сухие бледные губы, он попытался заговорить.

Комната мгновенно наполнилась громкими шумами, похожими на эфирные помехи – нечто вроде рёва глушилок пополам с пробивающимся сквозь него заунывным писком морзянки. Слова Разгребателя потонули в шуме. Я попробовал наобум ответить, надеясь переорать глушилки.

Без лишних разговоров уродцы разделились на две команды, и одна начала дубасить меня, а другая принялась зверски избивать Разгребателя.

Пока меня вели по коридорам, я немного восстановился и даже ухитрился войти в рабочий ритм, поэтому, даже не имея возможности отвечать на удары, большую часть их га-

сил и в общем-то не особенно страдал от побоев. Хотелось надеяться, что и мой земляк не забыл, чему его учили в спортивных залах Департамента.

Процедура нашего с Разгребателем избиения проходила под нескончаемый аккомпанемент странных радиозумов, делавших невозможным вербальное общение.

В самый разгар этой подлой игры в одни ворота к трибунке подошел их вожак, поднял лапу, и нелюди прекратили лупцевать нас. К вожаку приблизился и встал рядом с ним ещё один «начальничек». Оба чем-то неуловимо отличались от остальных уродцев.

Вожак опустил руку, и словно кто-то крутанул верньер невидимого радиоприёмника: забулькали звуки эфира. Вскоре в воображаемом радиоэфире попала мощная стабильная волна, и ручку настройки оставили в покое.

И на этой волне зазвучал тусклый монотонный голос, тупо повторявший на моём родном русском языке:

– Не говорить. Не говорить. Всем молчать. Не говорить...

От нечего делать я стал изучать внешность набившихся в комнату существ. Сосредоточив взгляд на вожаке, я испытал второе за последние несколько минут потрясение. Мне сделалось противно и страшно.

Монстр имел одну голову, две ноги и две руки – всё как у людей. Казалось, в этих тесных морфологических рамках Природе уже невозможно измыслить тварь, способную повергнуть человека, землянина, в ужас. Нет, брат, шалишь!

Дурацкая мысль промелькнула у меня в голове. Я положил себе по возвращении домой запатентовать игрушку или тираж фильма ужасов, основанный на экстерьере пленивших меня существ.

Плечевой пояс уродца представлял собой два слившихся объёмных эллипсоида, причем у тех двоих на условных «плечах» имелось нечто вроде эполет, которые у прочих уродцев отсутствовали. Эполеты были не элементами униформы, а телесными образованиями. Вообще трудно было определить, где у существ начиналась, а где кончалась одежда, но вскоре я сообразил, что никакой одежды на них попросту нет. Наличивалась лишь ремённая, так сказать, сбруя с гнёздами и петлями для пистолета, дубинки и прочего.

Ниже своеобразной «манишки» располагалось туловище – чудовищное, состоящее из сплюснутых в передне-заднем направлении сегментов, напоминающих брюшную часть (мезосому) тропического скорпиона пандинуса.

Тазовый пояс был сформирован аналогично плечевому из двух слившихся, как бы положенных на бок овоидов. Фактура и цвет кожи соответствовали таковым же сортирного головастика.

Руки от плеч и ноги от таза до колен словно не имели костей. Составленные из полудюжины члеников-сегментов, они могли изгибаться в любой плоскости. Локтевые и коленные кутикулы разрослись до таких размеров, что выглядели как налокотники и наколенники из защитного снаряжения

хоккеистов.

Выраставшие из кутикул предплечья и голени принадлежали как бы другому существу, настолько структурно не совмещались они с плечами и бёдрами. Они состояли из множества мускульных тяжей, скрученных тугим жгутом, напоминающим женскую косу. Предплечье оканчивалось пятипалой кистью, а голень – трёхпалой когтистой лапой, точной уменьшенной копией ступни тиранозавра-рекса, то есть с задней серповидной шпорой. Эти когти и шпоры издавали звук характерный звук, которым сопровождалась ходьба нелюдей по металлическому полу коридора.

Между таких вот немислимых ног свисал гибкий, расширяющийся к концу и образующий нечто вроде воронки садовой лейки странный орган, который я не спешил принять за половой член. Загадочный раструб прикрывала мясистая пульсирующая перепонка – своего рода живая сурдинка. Раструб всё время поворачивался то в одну то в другую сторону, и когда перепонка принимала вертикальное положение, становились видны имевшиеся в ней два круглых отверстия, несинхронно, в противофазе, раскрывающихся и закрывающихся как пасть обсыхающей на песке рыбы.

Однако все эти морфологические особенности меркли в сравнении с «устройством» черепа уродцев. Голова подпиралась мускулистой, но тонкой шеей и походила на вертикально поставленное туловище латинного головастика. Череп обтягивала серая кожа пористой структуры, и под его вы-

пуклостями угадывалось такое же противное, как у раздавленной пиявки, содержимое. Голова разделялась на две части вертикальной бороздой, которая спереди доходила до переносицы, а сзади – до какого-то «канта» или «ватерлинии». являвшейся продолжением губ широченного, как у Буратино, рта.

Уши бестии выдавались с боков безволосых «ягодиц» черепа, но были ли они ушами?

Нос выглядел почти по-человечески, а переносицу обрамляли черные треугольные, вдавленные внутрь пятна, в центре которых притаились маленькие тухлые глазка. Они смотрели каждый в свою сторону, лишь ненадолго собираясь вместе, что временами придавало взгляду бестии некое подобие осмысленности.

Итак, я мысленно составил словесный портрет уродца. Оставалось лишь придумать ему название в духе Альфреда Брема, но на ум ничего оригинального не приходило.

И тут мне помог сам иновселенец.

Вожак впервые открыл рот, и от того, что я увидел, мои глаза тоже разъехались в разные стороны. Мне захотелось выть.

Голову бестии будто бы разрезали по горизонтали надвое. Верхняя ее половина высоко поднялась над нижней, и стало видно, что верхушка держится лишь на тонком стебле, растущем из центра нижней «чаши», как цветок из полусферической плоскости. То есть уродец обладал круговой, «экватор-

риальной», на полные триста шестьдесят градусов, пастью, соответствующим круговым, разбитым на сектора, языком и несметным количеством жёлтых, растущих по всему периметру нижней и верхней челюсти страшных зубов! То, что я принял за кант или «декоративную» разделительную линию, было на самом деле проолжением губ. Хотя святых выноси! Куда там Буратино с его всего лишь ртом до ушей!

А тут пришло и ключевое слово никак не дававшейся мне биологической классификации существа: кругорот!

И я мгновенно прозрел и решил, что отныне стану называть уродцев кругоротами головозадами безобразными.

* * *

Губы раскрывшего пасть кругорота заколыхались словно мантия медузы, заворочался пятилепестковый, похожий на морскую звезду, пупырчатый мясистый язык, и раздался будто исходящий из радиоприемника механический голос:

– Вокчурк приказывает, Вокчурк приказывает: всем молчать!

Кажется, Вокчурком был здесь главный, почему-то говоривший о себе в третьем лице.

Я скосил глаза на Разгребателя, и мне не удалось заметить в них не только интереса к происходящему, но и особенного страха. Лицо парня выражало лишь загнанность и усталую скуку, какая охватывает человека при многократном про-

смотре посредственного фильма. Меня осенила ужасная догадка: Разгребатель находится здесь давно, как минимум, несколько дней! Но ведь прошло всего несколько минут с тех пор, как я вступил вслед за ним в этот inferнальный туалет!

Голос бесцветно провещал:

– Вокчурк приказывает: должен говорить Окшург. Остальным молчать.

К пюпитру подошёл встречавший меня кругорот, а Вокчурк опустил на стул.

Уже привычный голос бесстрастно переводил неслышную человеческому уху речь Окшурга, подчёркнуто выдерживая абзацные паузы.

– После многолетнего перерыва физическим службам Пустоида удалось восстановить функционирование межпространственного тоннеля, связывающего нас со вселенной (последовала громоздкая кодировка), в дальнейшем для краткости называемой Вселенной власоглавов. Перерыв был вызван невозможностью поддержания космического ниппеля в рабочем состоянии. Как известно, Вселенная власоглавов есть вселенная на стадии расширения. Несколько десятков лет назад она перешла в состояние иммурабельности, замурованности, закрытости. Раскрытие иммурабельных вселенных и превращение их в полужамкнутые миры осуществимо лишь в короткие периоды спонтанных флуктуаций вакуума в точке фокуса. Создание технических средств, обеспечивающих использование моментов флуктуации для крат-

современного раскрытия ниппеля, представляло сложную проблему. Мы не сочли возможным отказаться от её решения, поскольку Вселенная власоглавов в силу космологической закрытости является идеальным полигоном для проведения вредных экспериментов, различных видов социального и прочего моделирования и захоронения энтропии (свалка отходов). Ввиду удобного расположения входного отверстия тоннеля в пределах нашей планеты Пустоид, Вселенная власоглавов представляет для нас значительный интерес также в качестве подлежащей освоению территории. Поэтому для решения задачи по восстановлению «кротовой норы» были привлечены дополнительные силы, что в итоге обеспечило положительный результат. Создание колонии пустоидов осложняется особенностями, присущими чужой вселенной, и специфическими чертами, определяемыми её замкнутостью. Эти условия делают невозможным поддержание гомеостазиса пустоидян на Земле в течение времени, соизмеримого с продолжительностью жизни.

«И слава Богу! – подумал я. – Значит называющие себя пустоидянами кругороты не могут существовать в нашей Вселенной сколь угодно долго, просто структурно распадаются. А мы, Хомо сапиенсы, в их инфернальном мире?».

– Но задолго до этого открытия была выдвинута идея использовать стиглов – стоящих ниже нас на эволюционной лестнице наших прямых предков, – продолжал Окшург. – Стиглы обладают высокой устойчивостью к условиям чужо-

го мира, что позволило применить их для первичной колонизации – «подготовки почвы» – перед планируемым массовым проникновением на землю пустоидян. Программа, предусматривавшая участие в проекте стиглов, был начата, но почти сразу прервана ввиду изложенных выше причин объективного характера.

«Странно, – подумал я. – Я впервые увидел стиглов, посчитав их за сортирных пиявок, в туалете тренировочного городка, во время пребывания в плену у дертиков».

– После восстановления тоннеля программа разморозена, и неделю назад новая партия стиглов переброшена во Вселенную власоглавов. Одновременно издана директива о вербовке власоглавов, которые могли бы содействовать распространению (экспансии) стиглов на Земле. Директива начала претворяться в жизнь три дня назад, когда из Вселенной власоглавов был изъят на предмет вербовки экземпляр, получивший порядковый номер два. Только что изъят № 3.

«Вот так, – отметил я. – Второй номер – это, конечно, Разгребатель, а № 3 – это я... Чёрт побери, почему Окшург ничего не сказал о номере первом?! Кто же он, № 1? Неужели его успели завербовать?».

– Три дня работы с экземпляром № 2 выявили его полную непригодность для использования в качестве нашего транс-агента во Вселенной власоглавов, – продолжал Окшург. Это, а также наличие у второго номера крайне отрицательной реакции на стиглов, перешедшей в открытую агрессию,

что привело к гибели в туалете одного стигла, дают нам основание провести ликвидацию вышеозначенного экземпляра.

* * *

При этих словах я вздрогнул, а Разгребатель, воспользовавшись секундной расслабленностью конвойных, произвёл правой ступнёй характерное движение, с вызовом продемонстрировав кругоротам, как он раздавливал их гадкого стигла.

Я дёрнулся, опасаясь за Разгребателя, но его не тронули: он был уже не жилец. Зато мне досталось с лихвой, боль от ударов дубинками ещё раз напомнила о реальности всего происходящего.

– Али плешь моя – наковальня, что всяк по ней стучит день-деньской? – уныло процитировал я вслух.

– Окшург сказал, – подвел итог голос. – Окшург сказал.

Пасть кругорота закрылась, он отошёл от пюпитра и сел за стол.

Встал Вокчурк и, разведя половинки головы, как тарелки хай-хет из комплекта ударной установки рок-н-ролльщиков и джазменов, коротко шевельнул химерическим губами.

– Изменить невозможно, изменить невозможно, – долетел до меня механический голос.

Вокчурк сел.

Свора охранников будто сорвалась с цепи. Они засуетились вокруг Разгребателя, подняли его на руки и уложили

лицом вверх на крестообразный лежак.

И тут меня как громом поразило!

Я вспомнил этот забрызганный слизью и кровью лежак и догадался, что сейчас воспоследует. В ужасе я понял, что Разгребателю уготована страшная казнь, которая в мельчайших подробностях должна повторить мизансцену казни Владимира Некрасова дёртиками. Как это возможно, почему?! В тот раз я едва не спятил с ума, наблюдая дикое действо, теперь кругороты дают мне вторую попытку. Не-е-т, с меня хватит!

Я зажмурился, но за мной внимательно следили. Дубинки обрушились на меня с особым ожесточением, а голос, всё такой же безразличный, сейчас же загундел:

– Всем смотреть, всем смотреть.

Глаза всё-таки пришлось открыть, но, применив становящийся моей фирменной фишкой приём «мёртвый опоссум», я избавил себя от созерцания творимого нелюдьми кошмара...

* * *

Как сквозь густой туман дошли до меня повторяющиеся уже несколько секунд слова:

– Наказать легко, наказать легко, наказать легко.

Непонятно, что имелось в виду: то, что наказать человека было для кругоротов раз плюнуть, или то, что нужно кого-то

наказать, но не слишком жестоко?

«Кого они хотят наказать?» – тупо подумал я и тут сообщил, что речь идет обо мне.

Меня подвели к лежаку с распростёртым на нём осквернённым Разгребателем.

Часть кругоротов расступилась, пропуская Окшурга.

Мы стояли, разделённые мертвым телом моего земляка-однопланетника, и смотрели друг на друга как враг на врага.

Глаза кругорота постоянно косили, и я снова отметил, что Окшургу приходится прилагать значительные усилия, чтобы обеспечивать правильное стереоскопическое восприятие действительности. И ещё мне подумалось, что у нелюдей кругоротов нет будущего. Это были хотя и разумные, но явно деградирующие существа. Может, они были искусственными, неизвестно кем и для чего созданными киборгами; может – мутантами; а может – гнилыми плодами слепой эволюции. Но всё это перестало иметь для меня значение. Я знал, что отныне положу жизнь, но порешу хоть одного кругоротового дьявола.

Окшург уловил поднимающееся в моей груди высокое чувство и, разведя «периметрические» челюсти, вдруг злобно зашипел, заставив меня содрогнуться. Затем протянул крючковатые, с мощными ногтями-когтями пальцы к распахнутым внутренностям Разгребателя, с усилием вырвал селезёнку, несколько секунд подержал её в лапе, будто взве-

шивая, и резко швырнул на прежнее место.

И тёплая кровь Разгребателя окропила моё пылающее от гнева и унижения лицо.

* * *

Находясь под впечатлением увиденного в пыточной, я некоторое время плохо воспринимал окружающую действительность. Из оцепенения меня вывел сильный толчок в спину – одна из кругоротых жаб ударила мне прикладом флэйминга между лопаток.

Я стоял на ватных ногах уже в другой комнате. За огромным столом восседал Вокчурк.

– Ты уже, наверное, понял, власоглав, – без всякой преамбулы и плавного вступления заговорил он, – что должен дать согласие стать нашим трансагентом. Твоя задача – регулярно забирать перебрасываемые к вам контейнеры со стиглами и расселять их на твоей планете Земля.

– А если я откажусь? – нарочито простодушно осведомился я.

– Как ты оказался в створе межпространственного тоннеля? – вместо ответа поинтересовался Вокчурк. – Ты попал в створ случайно или намеренно?

Я набрался смелости взглянуть на это страшилище в упор и в очередной раз подивился идиотскому выражению, которое придавали кругоротам их глаза – смотрящие в разные

стороны глаза сломанной куклы. И с каким-то мальчишеским озорством попробовал тоже называть его на «ты».

– Ты и сам знаешь, что я попал в створ случайно.

Мой глупый вызов не достиг цели: Вокчурк пропустил моё «ты» мимо ушей. Возможно, в их языке вообще отсутствовало слово «вы».

– Я знаю, что в створ можно попасть только случайно, потому что его нельзя увидеть, – сказал Вокчурк. – Но я не это имею в виду. Я хочу сказать, что ты *стремился* попасть к нам, хотя и не знал, где находится створ.

– Я вовсе не желал попасть к вам, потому что не подозревал о вашем существовании, – возразил я. – Меня затащили сюда против моей воли. Я прошу вернуть меня назад.

Вокчурк надолго впал в задумчивость. Глаза его совершали бесконечное броуновское движение. Полёт шмеля.

Наконец он совладал с ними.

– Назад ты можешь вернуться только в качестве нашего трансагента, – произнёс он наставительно. – В противном случае ты не вернёшься домой никогда. Соглашайся на предложение немедленно: так ты избавишь себя от ненужных... формальностей. – Что-то вроде усмешки промелькнуло на его лице. – Экземпляр № 2 не захотел решить сразу. Ему было предоставлено на размышление две ночи, но он огорчил нас. Так долго размышлять, так беззастенчиво пользоваться нашим терпением – и в конце концов наотрез отказаться от сотрудничества... – Вокчурк испытующе воззрился на меня.

Потом добавил: – Если бы он сказал «да», ему бы простили даже убийство стигла.

От взгляда кругоротой бестии мороз шёл по коже, но на меня постепенно начало снисходить спокойствие и уверенность.

– Я скажу «да», а оказавшись дома, не стану служить вам.

– Слишком самонадеянно. У нас есть способы проконтролировать тебя. Но я вижу, ты тоже хочешь подумать, прежде чем принять решение.

– Да, я не могу ответить вот так сразу.

– Ну что ж, – зловеще проговорил Вокчурк, – у тебя будет время на размышление. Но не воображай, что мы потакаем тебе, власоглав. Две ночи ты проведёшь на голодный желудок: тебе легче будет проглотить наживку. Да и нашим хирургам неприятно пачкаться в чужом дерьме... Ты всё понял, неразумный шпион?

Выиграть время – это всё, что я сейчас хотел. Только не представлял, что мне даст отсрочка. Но не стоит забегать вперёд, особенно когда ты на пару с кем-то хлебаешь дерьмо. И я со смиренным видом сказал:

– Так значит, я подумаю?

– Думай, если есть чем. Думай, пока есть чем.

Вокчурк переглянулся с охранниками.

– Ты не выставляешь предварительных условий, – произнес он почти дружелюбно (!). – Это обнадеживает. – Он поднялся и бросил охранникам: – Экземпляра № 3 в изолятор!

Губы его сомкнулись с характерным мокрым чмоканьем.

Меня вывели из кабинета. Стараясь не дёргаться лишний раз на поводках, неожиданно для себя спокойный и даже чуть-чуть повеселевший, я зашагал по коридору, ведомый кругоротыми крестинами.

Как говорится:

Пусть всё течет само собой,
А там посмотрим, что случится.

* * *

Невероятно: кругороты поместили меня в камеру, в которой имелось выходящее на улицу незастеклённое окно! Оконный проём был забран мощными металлическими прутьями, частыми, как расчёска. Впервые с того момента, как оказался в плену, я ощутил залетевший ко мне ветерок, услышал незнакомые шумы, почувствовал здешние диковинные запахи. Да-а, запахи...

Запахи ассоциировались с запахами отхожего места, где меня угораздило попасть в створ «кротовой норы». Ситуация выглядела пошлой и анекдотичной: кто бы мог подумать, что воронка пробитого кругоротами межпространственного тоннеля отверзнется в таком неподходящем месте? Надо полагать, изменить положение створа невозможно.

но в принципе: он оформился здесь, и пока никому не дано знать, почему именно здесь. К счастью, тренировочный городок находится в довольно безлюдном месте. Тем не менее космический ниппель представляет для нас страшную опасность, потому что открывает дорогу на Землю агрессивным нелюдям.

Если я правильно понял кругоротов, материю нашей Вселенной они вознамерились превратить сначала в некий компост, потом обосноваться на нём и пышно расцвести, скуново благоухая. А если это не удастся – то превратить наш мир в выгребную яму, в полигон для своих гнусных (можно себе представить!) экспериментов, в обыкновенную свалку отходов, в помойку.

Так думал я, лёжа лицом вверх на полу изолятора с раскинутыми в стороны и натягиваемыми растяжками руками и ногами. Я не мог ни сесть, ни тем более встать. Оптимизм мой щенячий быстро сходил на нет.

В положении с ограниченными степенями свободы я мог лишь вертеть головой да немного приподнимать её. Мне вспомнился герой старинного романа, которого подлый надзиратель стягивал специальной рубашкой так, что тот неминуемо должен был умереть от удушья. Но парень не умер, он победил и смерть, и надзирателя силой духа. А моё положение было несравненно более лёгким. К тому же изолятор располагался не в подземелье, а, как я догадался, на крыше здания! Это казалось странным, как и наличие окна, за ко-

торым виднелось начинающее темнеть небо.

Воспользовавшись крохами свободы, я стал проводить простенькую гимнастику, то поворачивая голову влево-вправо, то отрывая затылок от пола. И вдруг заметил монетку – позеленевший затёртый медяк. Наш, неизвестно как попавший сюда пятак! Впрочем, почему неизвестно? Либо это моя монетка, либо Разгребателя, которого, по-видимому, тоже содержали в этом изоляторе... Стоп, бродяга! Не имел я таких раритетных денег. Но до меня здесь наверняка побывал экземпляр № 1, о котором упоминал Вокчурк. Возможно, монетка принадлежала ему?..

Внезапно меня охватило беспокойство. Как и продемонстрированная мне казнь Разгребателя, точ-в-точь повторявшая случившееся несколько месяцев назад с Владимиром Некрасовым, моё теперешнее заточение подозрительно напоминало произошедшее со мной на захваченном дёртиками заводе. Просто дежа вю какое-то! Очень нехорошее дежа вю. Я размышлял над этой странностью несколько минут – и вдруг сделал ошеломляющий вывод.

Если казнь Разгребателя и моё пребывание в камере у кругоротов не наваждение, а подлинная реальность, то это означает, что нелюди уже некоторое время, по меньшей мере, полгода, пристально наблюдают за нами, землянами. Более того, возможности их, так сказать, мониторинга, охватывают значительную территорию. Тренировочный городок и бывшая база дёртиков находятся за сотни километров от ста-

рого оборонного завода, приспособленного Владимиром Петуниным сотоварищи для производства ядерных зарядов. В данный момент я нахожусь, условно говоря, в тренировочном городке, а Некрасова казнили в одном из помещений завода. И, надо понимать, всё лежащее между этими объектами пространство контролируется, просматривается, мониторится нелюдьми!

Эта пугающее открытие мешало мне заснуть. А я обязан был хорошо выспаться, дабы обрести душевное равновесие и набраться сил перед вероятно ожидающими меня тяжёлыми испытаниями. Но никакие приёмы аутотренинга не помогали. Сколько времени я провёл в тревожном полузабытии, прежде чем мне удалось заснуть по-настоящему, не известно. Но мой насыщенный сюрреалистическими кошмарами сон нарушил какой-то внутренний толчок.

Я обоснулся и некоторое время лежал в полной неподвижности, пытаясь возвратиться в муторную реальность. Наконец медленно повернул голову направо – в сторону двери, потом налево – в сторону окна.

Почти под самым носом, у плеча удерживаемой растяжкой вытянутой руки тускло блестела в полосатой полутени плоская коробочка.

* * *

Матовый параллелепипед размером не более портсигара

был явно не нашего производства. Рискуя вывихнуть шею, я попытался получше рассмотреть приборчик. В конце концов разглядел слегка выступающий из панели диск верньера, штук пять крошечных переключателей и регуляторов, встроенную эллипсоидную раковинку (искусственное ухо?). Стержень с коническим наконечником-«джеком», гарнитуру беспроводной связи с клипсой для крепления в ухе, в данный момент пристыкованную к корпусу и выглядевшую как долька на плитке шоколада. Имелся даже регулируемый шнурок для ношения приборчика на шее как пайцзы.

В этот момент приборчик что-то пропищал. Я максимально, насколько позволяли растяжки, приблизил к нему левое ухо и, напрягшись, с трудом расслышал русскую речь:

– Вы хотите сбежать отсюда? Отвечайте, отвечайте...

Я почему-то нисколько не удивился русской речи. Меня вдруг запоздало осенило, что приборчик является чем-то вроде переводной машинки. То есть это лэнгвидж, если употребить арго Исполнителей.

Я мечтал вырваться из темницы, но не спешил отвечать на заманчивое предложение неизвестного, испытав некий психологический излом. Ведь я мог вернуться домой только через «развальцованную» кругоротами «кротовую нору»! А она находилась здесь, и бежать отсюда означало удаляться от единственного зыбкого мостика через вакуумную пропасть, связывавшего меня с моей родной Вселенной. Тяжёлый, мучительный выбор!

– Кто вы? – вполголоса спросил я, стараясь направлять звук на раковинку «уха» лэнгвиджа.

– Меня зовут Донхимер, – проверещало в ответ. – Сейчас не время для пустых разговоров. Я страшно рискую из-за вас и...

Я не ответил, размышляя.

– Спрашиваю в последний раз: да или нет? – нетерпеливо переспросил голос.

И жизненный инстинкт одержал верх над всем прочим. Я махнул на всё рукой, решив отдаться воле волн. Мне не хотелось сейчас думать о том, каким образом я возвращусь домой, я лишь страстно желал оказаться подальше от безжалостных нелюдей. Мне было безразлично, кто именно протягивает руку помощи: вряд ли я попаду в более худшую, чем актуальная, ситуацию!

И я ответил:

– Да!

На сей раз быстрого ответа не последовало. Лишь чуть слышно фонил прищипленный к лэнгвиджу наушничек, который я пока не в состоянии был отсоединить и закрепить в ухе.

За окном произошло какое-то движение.

Затем я увидел, как сверхтонкий рубиновый луч уверенно обошёл оконный проём по периметру, вырезав решётку так, как идеально отточенный нож похитителя картин вырезает из дорогой рамы бесценное полотно. После этого луч, будто

скальпель в искусных руках мистического хирурга, рассёк пополам каждую из четырёх растяжек.

Снова зашепелявил наушничек лэнгвиджа:

– Возьмите приборчик, ну!

Я мгновенно перешёл в сидячее положение, схватил лэнгвидж и вскочил на ноги. Моё лицо оказалось на уровне подоконника. Отсоединив гарнитуру, я пристроил её в ухо, приборчик положил в карман и приблизился к проёму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.